

I

Две головы

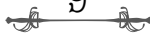
Присутствие мертвеца я почувствовала сразу же, как только вошла в освещенный лунным светом офис и за мной закрылась дверь. Почувствовала по тому, как начало покалывать иголочками кожу у меня на голове, зашевелились и встали дыбом волоски на руках, по тому, каким холодным стал воздух, которым я дышу. О близком присутствии призрака говорила и затянувшая все окно паутина — густая, плотная, блестящая от инея. А еще были звуки, точнее, долетавшие из глубины времен отзвуки, которые я начала улавливать еще внизу, в холле, и продолжала слышать потом, когда поднималась сюда по лестнице. Шорох ткани, треск бьющегося стекла, стоны умирающей женщины. Здесь, в офисе, все эти звуки стали громче. А еще появилось ощущение, что за мной внимательно следит нечто злое и очень опасное.

Должна добавить, что если бы я вдруг сама не почувствовала всего этого, о присутствии мертвеца меня предупредил бы пронзительный крик, раздавшийся — неслышно для всех других, кроме меня, — из висевшего за моей спиной рюкзака.

— *Эй! Внимание! Призрак!*

— Заткнись, — ласково сказала я, оглянувшись через плечо. — Без тебя знаю. Ну, обнаружили мы с тобой фантом, зачем же такую истерику устраивать?

— *Она здесь, здесь! Она смотрит прямо на тебя своими пустыми глазницами! О, я вижу, как она скрипит зубами!*

— А тебя-то это почему так волнует? — хмыкнула я. — Ты же череп. И давно умер. Успокойся.

Я сняла рюкзак, опустила его на пол, откинула верхний брезентовый клапан. В рюкзаке светилась дымным зеленоватым светом большая призрак-банка из серебряного стекла, к доньшку которой был привинчен череп. Он прижал свое жутко искаженное полупрозрачное лицо к стенке банки, расплющив нос и дико ворочая по сторонам своими похожими на вареные яйца глазами.

— Ты просила меня предупредить тебя об опасности или не просила? — сказал череп. — Просила — получай. Эй! Тревога! Она здесь! Призрак, призрак! С костями! С волосами! Кошмар! А-а!

— Будь любезен, заткнись, пожалуйста, — я почувствовала, что против моей воли крики черепа действуют на меня, причем самым неприятным образом. Все это время я не переставала осматривать комнату, с особым вниманием присматриваясь к затененным местам, ища следы возвратившегося в наш мир мертвеца. Видеть, честно говоря, я ничего не видела, но продолжала смотреть — это занятие несколько успокаивало мои натянутые из-за криков черепа нервы. Сегодня мне достался очень необычный, можно сказать, редкостный призрак. Вынув банку с черепом и отставив ее в сторону, я принялась лихорадочно рыться в своем рюкзаке, доставая из него солевые бомбы, флаконы с настоем лаванды и железные цепи.

А в голове у меня продолжал звучать голос черепа.

— Если ты ищешь зеркало, Люси, то оно привязано веревочкой к задней стенке рюкзака.

— Ах, да... верно.

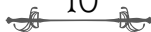
— Сама его туда привязала и забыла.

— Да-да, правильно.

Череп внимательно проследил за тем, как я отвязываю зеркало, затем спросил:

— Нервничаешь, да?

— Ерунда. Нисколько.

- Ни капельки?
- Ни капельки.
- Ну-ну, как скажешь. Между прочим, та тварь уже совсем близко.

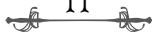
Все, хватит болтать. Спустя две секунды я уже выпрямилась, держа в руке небольшое зеркальце.

Я уже упоминала о том, что сегодня мне достался необычный призрак. Необычный потому, что его нельзя было увидеть просто глазами, даже агенту с очень сильным экстрасенсорным Зрением. Предполагалось, что сегодняшний Гость — это призрак ужасной Эммы Марчмент, леди, жившей здесь в начале восемнадцатого века, когда этот особняк был еще частным домом (сейчас его перестроили под офисное здание страховой компании). При жизни Эмму обвиняли в занятиях черной магией, подозревали виновной в смерти нескольких родственников, после чего ее саму убил муж. Он зарезал Эмму обломком стоявшего у нее на туалетном столике зеркала, которое перед этим разбил. Теперь призрак Эммы появлялся только в виде отражений — в зеркалах, окнах, на полированных металлических поверхностях, и несколько работников страховой компании уже заплатились жизнью, попав в ее поразительно мощный призрачный захват.

Так что справиться с призраком Эммы Марчмент, как вы понимаете, было непростой задачей. Доставшаяся мне сегодня команда вооружилась ручными зеркалами, агенты медленно ходили с ними по дому, то и дело с испугом оборачиваясь через плечо. Мне до этой минуты зеркало было ни к чему, я полностью полагалась на свои чувства и прислушивалась к звукам, однако теперь пришла пора и самой за него взяться.

Я подняла зеркальце так, чтобы видеть в нем отражение комнаты.

— *Симпатичная вещица*, — прокомментировал череп, глядя на мое зеркало. — *Оправа из хорошего пластика. А какие прелестные пони и радуги у него на ободке нарисованы!*

— Купила его в магазине игрушек, — пояснила я. — Искать что-нибудь другое у меня просто времени не было.

На поверхности зеркала играл обманчивый лунный свет. Я глубоко вдохнула, прижала локоть к груди, чтобы не дрожала рука. Постепенно отражение стабилизировалось, стала четко видна решетка оконного переплета, обрамленная с обеих сторон дешевыми занавесками. У подоконника стоял рабочий стол и стул. Я начала поворачивать свое зеркальце, в нем проплыли освещенный лунным светом пол, еще один стол, канцелярские шкафы, горшок с каким-то свисающим вниз растением на обшитой темными панелями стене.

Сейчас эта комната стала обычным, унылым на вид офисом, но когда-то здесь была спальня. Место, где люди выясняли свои отношения, давали волю своему гневу и ревности, где былая любовь переходила в ненависть. Хочу заметить, что нигде не появляется так много призраков, как в спальнях.

Неудивительно, что именно здесь нашла свой конец и Эмма Марчмент.

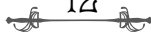
— Я ее не вижу, — сказала я. — Череп, где она?

— *В дальнем правом углу. Наполовину снаружи, наполовину внутри штукатурки, которую в мое время называли бюро. Она широко раскинула руки, словно хочет обнять тебя. О, какие у нее длинные ногти!*

— Что ты раскудахтался, как торговка рыбой на базаре? Хватит меня пугать, не на такую напал. Лучше скажи, если она вздумает двинуться в мою сторону. Я хочу немедленно знать об этом. И кончай трепаться.

Я старалась говорить твердо, уверенно, спокойно. Никогда не показывай свой страх и тревогу, потому что отрицательные эмоции делают призраков сильнее, они питаются ими. Это прописная истина для каждого агента. Тем не менее всегда нужно быть наготове, поэтому моя свободная левая рука плавно легла на пояс, как раз между пристегнутой на липучке рапирой и магниевыми вспышками.

Я ненадолго отвела взгляд от зеркала. Да, верно, стоит что-

то вроде бюро вон там, справа. Угол очень темный, туда едва долетает лунный свет. Как ни напрягай глаза, как ни прищуривайся, много в том углу не увидишь.

Впрочем, постоите-ка, постоите... Я снова устала в зеркальце и начала медленно поворачивать его, над столами, мимо свисающего растения, дальше, дальше вдоль обшитой темными панелями стены, к тому углу, где притаилось бюро — письменный стол с полками и выдвижными ящиками для бумаг.

Есть! В зеркальце показался покачивающийся в воздухе призрак.

Хотя я и ожидала увидеть ее, но все равно едва не выронила зеркальце.

Тощая костлявая фигура, закутанная во что-то белое, похожее на саван. Мертвенно-бледное лицо, обрамленное дымкой длинных спутанных волос. Черные, как ночь, глаза смотрят прямо на меня, белая кожа облепила череп как расплавленный воск. Голова держится на тонкой цыплячьей шее. Рот призрака широко раскрыт, белое платье-саван покрыто темными пятнами. Эмма держала свои руки поднятыми, медленно сжимая и разжимая костяные пальцы.

Ногти у нее на пальцах действительно оказались очень длинными.

Я сглотнула. Без зеркальца или без подсказки черепа я могла бы подойти к этим пальцам вплотную, и тогда...

Но об этом лучше не думать, сейчас, по крайней мере.

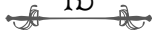
— Вижу ее, — сказала я.

— *Классный призрак, правда, Люси? Ну, а теперь выбирай, чего тебе больше хочется, жить или умереть?*

— Жить, разумеется.

— *В таком случае зови остальных.*

— Нет, рано еще, — у меня снова задрожала рука, а вместе с ней и зеркальце. Естественно, пропало и отражение призрака Эммы Марчмент. Я собралась с мыслями перед тем, как сделать то, что задумала.

— Я понимаю, что они тебя раздражают, но тут такое дело, что тебе в одиночку никак не справиться. Пора привыкать, что так теперь будет всегда...

— Уже привыкла.

— Потому что Локвуд...

— При чем тут Локвуд? Какое мне дело до Локвуда? — взвилась я. — Послушай, ты можешь заткнуться, наконец? Ты же знаешь, мне сейчас нужна абсолютная тишина.

Я глубоко вдохнула, чтобы успокоиться, и поводила по сторонам зеркальцем, пока в нем снова не появилось жуткое лицо, обрамленное похожими на сахарную вату волосами.

За это время она подобралась ближе ко мне? Возможно. Во всяком случае, мне показалось, что отражение ее лица стало крупнее. Или только показалось?

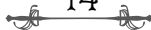
— Только не говори, что ты решилась на эту глупость! — снова заволновался в своей банке череп. — Это была старая злая ведьма, и теперь она мечтает только о том, чтобы добраться до тебя. Не будь идиоткой, не пытайся вступить с ней в разговор!

— Я буду делать то, что хочу, и, между прочим, глупостью это не считаю, — я повысила голос и спросила: — Эмма? Эмма Марчмент, я вижу тебя. Я слышу тебя. Скажи, что ты хочешь? Скажи, и я смогу тебе помочь.

Я действовала так, как привыкла. Старалась докопаться до самого доньшка. Для этого существует моя фирменная формула, которую я открыла для себя и много раз проверила на практике долгими темными ночами в эту бесконечную Черную зиму. Формула Люси Карлайл проста. Заговори с призраком. Называй его по имени. Задавай вопросы. Держись спокойно и просто. Это самый верный способ заставить Гостя вступить с тобой в разговор.

Хотя, если честно, иногда моя формула не срабатывает. Или срабатывает самым неожиданным образом, совсем не так, как тебе хотелось бы.

Я внимательно наблюдала за отражением бледного лица в

зеркале. Напрягла свой внутренний слух, который был моим самым главным Даром. Череп скептически фыркнул и вздохнул в своей банке, но я старалась его не слышать.

Затем по бывшей спальне пронесся тихий шорох, долетевший сюда сквозь толщу времени, из другого пространства.

Были ли это слова?

Нет. Просто шелест окровавленной ночной сорочки и судорожные предсмертные вдохи.

Все, как всегда. Одна и та же заезженная пластинка.

Я открыла рот, чтобы повторить свой вопрос, и тут чуть слышно прозвучало:

— ... у меня пока еще есть...

— Череп, ты слышал?

— *Едва-едва. Один хрип. Впрочем, винить ее за это нельзя — удивительно, что она вообще смогла хоть что-то сказать, когда у нее горло перерезано. А вот что у нее до сих пор есть? И где? Вопрос, конечно, интересный...*

— Тсс! — я сделала свободной рукой широкий приглашающий жест и продолжила: — Эмма Марчмент, я слышу тебя! Если хочешь обрести вечный покой, прежде всего доверься мне. Скажи, что у тебя до сих пор есть?

— Люси? — прозвучал голос у меня за спиной.

Я вскрикнула, выхватила из петли-липучки свою рапиру. Стремительно обернулась с обнаженным клинком, слыша, как гулко бьется в груди мое сердце. Дверь бывшей спальни открылась, в ее проеме стоял высокий худой юноша, его фигура темнела на фоне плывущих в свете фонаря клубов серебристого дыма от магниевой вспышки. Одну руку он положил себе на бедро, вторую на эфес рапиры. За спиной юноши покачивались длинные фалды его плаща.

— Люси, что ты делаешь?

Я еще успела бросить взгляд на зеркальце, увидела, как полупрозрачная бледная тень поднимается в воздух, втягивается, словно струйка дыма, в стенную панель позади бюро и исчезает.

